

научное издание
о состоянии, развитии
и критике СМИ
в России и за рубежом

факультет журналистики
московского государственного университета
имени м. в. ломоносова

МЕДИА@ЛЬМАНАХ

- Ценности и качества российских журналистов
- Российская коммуникационная стратегия в 2000 гг.
- Правовые и этические аспекты использования фотографического произведения в СМИ
- Экономическая информация о спорте в российской прессе
 - Египет:
от государственного контроля СМИ до гражданского движения в соцсетях
- Использование технологии QR-кодов в газетах Китая
- Рерайтерский метод создания новостных интернет-сообщений
 - Технология *RTB* в медийном бизнесе
 - Андрей Белый и Борис Эйхенбаум

2013
№ 6
[59]

Андрей Белый и Борис Эйхенбаум

По линии журнальной науки

Василий Львов

В статье анализируется влияние «журнальной науки» А. Белого на русских формалистов. Акцентируется роль литературной критики в научной эволюции формалистов, прежде всего Б. Эйхенбаума.

Ключевые слова: формализм, А. Белый, Б. Эйхенбаум, литературная критика, литературоведение.

Нет, пожалуй, ни одной серьезной монографии о русских формалистах, где бы не упоминалось об их связи с Андреем Белым. Об этом говорили самые разные исследователи: и вышедший из формализма Роман Якобсон в цикле лекций о формализме (1935), и такой оппонент формализма, как Павел Медведев, в книге «Формальный метод в литературоведении» (1927).

Но примечательно, что первыми о связи между Белым и формалистами написали сами формалисты. Правда, эту связь они не акцентировали: формалистам, с их пафосом новизны, было несвойственно лишний раз говорить о чьем-либо влиянии – скорее, наоборот. Однако они сами указали на влияние Белого, так что едва ли здесь можно говорить о «слепом пятне» в автохарактеристике формалистов – том случае, когда неудобные факты не замечаются.

О влиянии Белого на формалистов написал Борис Эйхенбаум в статье «Теория «формального метода»» (1925), которая появилась в поворотный для формализма момент.

Предыстория. «Кризис формализма»

Появлению этой работы предшествовала знаменитая полемика на страницах журнала «Печать и революция» (1924. № 5). Эйхенбаум спорил о формальном методе

Львов Василий Сергеевич – аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры компаративистики Аспирантского центра при Городском университете Нью-Йорка (GC CUNY), basile.lvoff@gmail.com

с пятью оппонентами, среди которых был сам нарком просвещения А. Луначарский. Причиной для полемики послужила статья Л. Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» (Правда. 1923. № 166). В «Печати и революции» нападки на формалистов стали еще жестче, и было ясно, что полномасштабное наступление на формализм со стороны марксистов неизбежно. Наступление завершилось капитуляцией формализма в статье Виктора Шкловского «Памятник научной ошибке» (Литературная газета. 1930. № 4).

Правда, позднейшие книги Шкловского свидетельствуют о том, что его отречение от формализма было мнимым, вынужденным: формализм, яркий и самобытный, не мог существовать в России 1930 гг. Но главный вопрос не в этом, а в том, был ли конец формализма предопределен самим его развитием. Быть может, марксисты только приблизили конец этой научной школы, которая не могла в рамках формального метода разрешить теоретические проблемы, ею поставленные?¹ Об этом ведутся особенно острые споры среди исследователей.

Статья Эйхенбаума о теории формального метода очень характерна для этого «кризисного» этапа. Показательно, что она ретроспективна. Оглянуться на пройденный путь – естественная реакция, когда встает вопрос о том, куда двигаться дальше. И потому важно, что отдельное место в «Теории “формального метода”» Эйхенбаум отводит символистам, и в частности Андрею Белому с его книгой «Символизм».

В «Теории “формального метода”» Эйхенбаум пытается понять логику формалистов – свою и своих товарищей по ОПОЯЗу², – проследить движение их мысли о том, какой должна быть наука о литературе. Статья Эйхенбаума – это методологическое рассуждение о методе, о том, как думали формалисты, устанавливая определенные принципы осмысления литера-

туры. И здесь дает о себе знать эффект двух зеркал, поставленных друг против друга: в статье Эйхенбаума сказывается столь характерная для формализма «двойная рефлексия». О ее значении пишет известный австрийский искусствовед Оге А. Ханзен-Лёве: «...им [формалистам. – В.Л.] все же в какой-то мере удалось <...> “прыгнуть выше головы” <...> (отрефлектировать рефлексия), и это их достижение невозможно переоценить»³. Эта «двойная рефлексия» привела формалистов к столь тонким и даже преждевременным наблюдениям о литературе и литературной науке, которые до сих пор до конца не осмыслены.

Автор данного исследования разделяет точку зрения Ханзен-Лёве, согласно которой «кризис формализма» характеризуется не угасанием этой научной школы, а ее перерождением. Перерождением незавершившимся. И то, что ведущую роль в этом преобразовании русского формализма Ханзен-Лёве отводит не только научным работам формалистов, но и литературно-критическим, а также журналистским⁴, согласуется с тем, что и как писали сами представители этой школы.

Цель данной статьи – показать преобразующее воздействие литературной критики на русский формализм в последний этап его развития посредством сравнения формалистов с Андреем Белым. Именно с него начинается начертанный Эйхенбаумом генезис формалистов, и поэтому такой подход поможет лучше проследить траекторию их эволюции. Для этого в исследовании не рассматривается собственное становление Белого – за точку отсчета берется его книга «Символизм» (1910) и те ее положения, которые повлияли на формалистов в начале их пути.

Журнальная наука

Казалось бы, такой подход подсказывает сам Эйхенбаум. В «Теории “формального метода”» он пишет: «Авторитет и влияния

перешли постепенно от академической науки к науке, так сказать, журнальной, к работам критиков и теоретиков символизма <...> для молодого поколения такие книги, как "Символизм" А. Белого (1910), значили неизмеримо больше, чем беспринципные монографии историков литературы <...> Вот почему – когда назрела историческая встреча двух поколений <...> – она определилась не по линии академической науки, а по линии этой журнальной науки»⁵.

Но важно ли, что наука эта была журнальная? Может быть, Эйхенбаум просто говорит, что она не была академической? Разве что-то меняется от того, что какие-то главы из «Символизма» появлялись сначала в виде статей или публичных выступлений? Например, глава «Формы искусства» как статья в журнале «Мир искусства» или глава «Смысл искусства» в качестве публичной лекции?

Исходя из утверждений Эйхенбаума, попытаемся ответить на вопрос: меняется ли что-то в науке оттого, что она журнальная? Что значит «журнальная наука»? И как повлияла «журнальная наука» Белого на формалистов – прежде всего Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова и В. Шкловского?

Начнем со специфики журнальной науки.

Эйхенбаум писал о литературной критике еще в первом своем отзыве на «Символизм» – в 1910 г. в письме к родителям: «Это чуть ли не первая настоящая книга по теории слова на русском языке <...> Все приемы прежней критики – исторической, публицистической, импрессионистической – должны отойти в сторону <...> А настоящая критика должна быть эстетической, критикой формы, критикой того, как сделано»⁶.

Итак, прочитав «Символизм», Эйхенбаум прежде всего обратил внимание на критику. Это значит, что книга Белого была важна для него не абстрактно, а в первую очередь как практическое применение – если не с точки зрения конкретных приемов,

то хотя бы предпосылок, принципов анализа. При этом нельзя сказать, что критику Эйхенбаум воспринимал отдельно от литературной науки. Но важно отметить, что и в раннем, и в позднейшем своих отзывах Эйхенбаум критику все-таки акцентирует, не дает заслонить ее наукой. У него наука и критика не могут нивелировать друг друга, являясь неделимым единством.

Понимание того, что наука связана с критикой, журнальностью (то есть дословно с повседневностью), воплотилось в понятие «двойного зрения», которое Эйхенбаум выдвинул в работе «Литературный быт» (1927). «Двойное зрение» сказывается в том, как наука о литературе подходит к фактам прошлого. Автор пишет: «История есть, в сущности, наука сложных аналогий, наука двойного зрения: факты прошлого различаются нами как факты значимые и входят в систему, неизменно и неизбежно, под знаком современных проблем»⁷.

Ту же мысль можно найти и у раннего Эйхенбаума – в рецензии 1912 г. на сборник «История западной литературы». В ней литературовед утверждает, что прогресса в искусстве не существует и история литературы – это не путь от менее выдающихся произведений к более выдающимся. Поэтому, пишет он, историко-литературная наука должна найти иной принцип, нежели хронологический, чтобы в прошлом уметь отделить существенное от маловажного⁸. Такой принцип понимания того, что важно, а что нет, диктуется теми проблемами и приоритетами, которыми мы живем сегодня. Вот почему наука о литературе, согласно Эйхенбауму, «должна постоянно возрождать то, что в данную эпоху жизнеспособно, в чем есть традиционное родство с современностью»⁹. По его мнению, это только способствует ее объективности.

Этот принцип «двойного зрения» последовательно проведен в историко-литературных работах Эйхенбаума и других опозовцев, например, у Тынянова в «Арха-

истах и новаторах», когда сравнивается литературная тактика архаистов в XIX в. и футуристов в XX в.

Точно так же принцип «двойного зрения» присутствует и в критических работах формалистов. Только здесь уже установка не на современность (ведь критика и так о современности), а на прошлое, на историю. Потому что именно история, определенным образом выстроенная, позволяет подойти к столь многообразной современности и понять, что в ней ценно, а что преходяще. Так, говоря о том или ином современном авторе, опоязовцы всегда стремятся определить его место в литературной эволюции, и с этим связана их оценка.

Одним словом, принцип «двойного зрения» – это понятие, согласно которому синхронный анализ должен сочетаться с диахроническим. Ведь опоязовская наука о литературе – это совмещение теоретической и исторической поэтик, последняя же, согласно Эйхенбауму, невозможна без установки на литературное сегодня. Вот почему так важна была критика и как жанр, и как форма участия в литературном процессе. Она помогала поставить те проблемы, выявить те факты, которые были значимы для историко-теоретической поэтики опоязовцев.

Вот почему знаменательна журнальность науки Белого. Те из глав «Символизма», которые были сначала статьями или выступлениями, а главное сам путь Белого, начавшийся с журналов, – все это было ценностно мотивированно современностью. Журнальность подразумевает определенное направление, интересы, и потому наука, развивающаяся в журнальном порядке, с точки зрения Эйхенбаума, принципиальнее академической.

Уточнение науки

Чем именно повлиял Андрей Белый на опоязовцев? Первое, что обращает на себя внимание, – эстетическая критика у Бело-

го. То, что изучение произведения может и должно быть эстетическим, – вернее, в том числе и эстетическим – Андрей Белый провозгласил в «Символизме», в частности в статье «Лирика и эксперимент». Важно, что в ней он применил научные выкладки не только к таким классикам, как А. Пушкин, Н. Некрасов, А. Фет, но и к современникам – А. Блоку, Д. Мережковскому и другим.

Современность и прошлое оттенены друг от друга в статьях Белого. И здесь сказывается своего рода эффект «двойного зрения»: так в работе «Брюсов» Андрей Белый смотрит на Пушкина через стихи своего современника. Статья «Брюсов» входит в сборник «Луг зеленый», который, как и «Арабески», состоит из менее научных статей, написанных, по словам Белого, в «более импрессионистических тонах»¹⁰. Но и здесь, несмотря на импрессионизм, есть элементы эстетической критики.

Так, Белый пишет, что В. Брюсов «первый из современных русских поэтов воскресил у нас любовь к рифме»¹¹, а потом разбирает эти рифмы. Следовательно, у Белого формалисты нашли образцы эстетической критики.

Другой аспект «журнальной науки» Белого, который должен был быть очень важен для будущих формалистов, – изучение произведения искусства с установкой на точные науки. Это выражается в математизации науки, а также в установке на естествознание.

В своем учении о ритме Андрей Белый прибегает к математизации, используя статистику, сложные схемы и рисунки¹². В «Символизме» чертежей великое множество. Такая математизация придавало анализу Белого большую точность и наглядность. Важно и то, что Белый вводил эти точные методы в эстетику, говоря словами Шкловского «в дискуссионном порядке»¹³: прежде чем перейти в «Лирике и эксперименте» к анализу ритма при помощи подсчетов и рисунков, Белый спорит с теми, кто

считает использование точных методов в эстетике предосудительным.

Все это не могло не привлекать опоязовцев. Казалось бы, стремление к точности мысли и изложения должно было привести их к тому же. Но, как это ни удивительно, в их работах практически нет «математики». Очевидно, это связано и с тем, что для формалистов образцом точной науки была не математика, а гораздо более близкая словесности лингвистика. Правда, формалистам ставили в упрек излишнюю любовь к подсчетам (например, в упоминавшейся статье Троицкого), хотя достаточно прочесть статьи опоязовцев, чтобы убедиться в обратном.

Тем не менее элементы математизации у формалистов имеются. Так, они порой оформляют свои мысли как алгебраические формулы. Приведем пример из статьи Шкловского «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля»: «Построения типа $a + (a + a) + [a + (a + a)] + \dots$ и т. д. то есть по формуле арифметической прогрессии без проведения подобных членов. / Существуют сказки, построенные на своеобразной сюжетной тавтологии[и] типа $a + (a + a) + \{[a + (a + a)] + a^2\}$ и т.д.»¹⁴.

Кроме того, математичность проявляется у формалистов в своего рода геометризме их мышления – в таких ощутимо-наглядных терминах, как «сдвиг» (например, сдвиг от старых форм в истории литературы к новым), «ряд» (литературный ряд, социальный ряд), «линия» (сюжетная, эволюционная линия, «журнальная линия») и т.д. Опоязовцы часто пишут так, что кажется, будто их мысль можно нарисовать.

Не менее важна была установка формалистов на естественные науки. Мысль об актуальности естествознания для эстетики они также нашли у Белого. В «Лирике и эксперименте» он утверждает, что «все наиболее ценное для разработки эстетики дали нам естествоиспытатели»¹⁵. Речь идет о методах естественных наук. Белый пишет:

«Систематика и морфология в первоначальном смысле явились прикладной областью ботаники как точной науки; центром ее стала физиология растений»¹⁶. И тут же Белый задает риторический вопрос: «Развивалась ли эстетика как точная наука?»¹⁷

Так же и у формалистов естественные науки играют существеннейшую роль в осмыслении литературы. Во-первых, естественные науки помогли опоязовцам сформулировать свои задачи. Опоязовцы не раз сравнивали свои изыскания в области литературы с выяснением физических законов. В литературе опоязовцы должны были найти такие же непреложные закономерности. Кроме того, из естественных наук опоязовцы заимствовали важнейшие свои понятия. Прежде всего – литературной эволюции. Сама литература предстает у них столь же самостоятельной, саморазвивающейся и независимой от человека, как природа.

Поэтому опоязовцы говорят не о субъекте творчества, а о творчестве самом по себе, как будто бы оно само себя вершило. Их работы изобилуют возвратными глаголами, когда речь ведется о литературе, об искусстве, и это свидетельствует о том, что искусство одновременно и субъект, и объект. Вот типичная фраза Шкловского: «Искусство развивается разумом своей техники»¹⁸. «Развивается» – значит, само, без участия кого-либо.

Установка на наглядность и объективность анализа побуждала опоязовцев отойти от всевозможных идеологических и эстетических пристрастий при анализе произведения, а также от субъективизма. Но субъективизма не любого (опоязовцы никогда не отказывались от авторской индивидуальности), а определенного, того, который обнаруживал себя в критике символистов и Андрея Белого. Опоязовцы не принимали субъективности, импрессионистичности и тем более метафизичности многих критических статей Белого (яркий пример – «Луг

зеленый» из одноименного сборника). И тут обнаруживается еще одна сторона влияния Белого на опоязовцев: свой подход к поэтике и к критике опоязовцы выработали, противопоставляя себя символистам и Белому в частности.

Сам Белый прекрасно осознавал противоречие между чисто научной, позитивистской теорией, эстетикой и тем, что Эйхенбаум называет «субъективными эстетическими и философскими теориями». Вот как Белый ставил эту проблему в «Лирике и эксперименте»: «Если эстетика есть наука о прекрасном, то область ее – прекрасное. Что есть прекрасное? Это или вопрос метафизический, стоящий [рядом] с вопросом о цели и ценности красоты, или вопрос позитивный (что считало прекрасным человечество?). В первом случае перед нами задача построить метафизику красоты, во втором – эстетический опыт в ряде мировых памятников красоты; задача точной эстетики – анализировать памятники искусств; вывести закономерности, их определяющие; задача метафизической эстетики – уяснить единую цель красоты и ею измерить эстетический опыт человечества. Но единообразие такой эстетики стоит в связи с единообразием метафизики»¹⁹.

«Как возможна единая метафизика?»²⁰ – вопрошает Андрей Белый. В 1910 г. он говорит о том, что сейчас пока не получается ответить на этот вопрос, но от его решения он не отказывается.

Опоязовцы же игнорируют эту проблему, исключив всякую философию из своей поэтики. В статьях, особенно на раннем этапе, они сосредоточены на фактах, как будто физически ощутимых: на изучении звуковой стороны поэзии, изучении сюжета (что за чем следует) и т.д. Они намеренно отказываются от всего, что идет следом за этой физической конкретикой, то есть от всего метафизического. Этот принцип они декларируют и проводят в своих чисто теоретических и критических рабо-

тах. Но тем явственнее на этом фоне выступают те моменты, когда критика опоязовцев преодолевает строгую научность позитивизма.

Постараемся обосновать этот тезис на работах Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума.

По ту сторону науки

Примером субъективизации опоязовской науки и критики является знаменитая статья Тынянова «Промежуток» (1924). В ней, конечно, нет обсуждения метафизических проблем, но, говоря о современной поэзии, Тынянов выходит за рамки ощутимодоказательных утверждений. Например: «В стих, “завещанный веками”, плохо укладываются сегодняшние смыслы. Пушкин и Баратынский, живи они в нашу эпоху, вероятно, сохранили бы принципы конструкции, но и, вероятно, отказались бы от своих стиховых формул, от своих сгустков. Смоленский рынок в двухстопных ямбах Пушкина и Баратынского и в их манере – это, конечно, наша вещь, вещь нашей эпохи, но как стиховая вещь – она нам не принадлежит»²¹.

Эти строки Тынянов написал скорее как писатель, нежели ученый. В «Промежутке» Тынянов пишет так, что мы видим, как вместо объективного наблюдения за литературным процессом своего времени критик занят самонаблюдением и, руководствуясь не объективными литературно-историческими законами, а собственным чутьем (опасная затея!), судит о литературе. Вот, например, как он пишет о В. Ходасевиче: «“Недооценки” современников всегда сомнительный пункт. Их “слепота” совершенно сознательна. <...> Мы сознательно недооцениваем Ходасевича, потому что хотим увидеть свой стих, мы имеем на это право»²².

Такой субъективизм делает утверждения критика менее доказуемыми, но вместе с тем придает анализу еще большую литературную конкретику: вместо абстракт-

но-научного утверждения здесь гораздо более исторически точное, но при этом менее доказуемое, признание современника, который участвует в литературном процессе, подвержен его влияниям и сам влияет на него.

Конечно, субъективизм Тынянова иной, чем тот, от которого отошли опоязовцы, отринув импрессионистическую критику. Но здесь, безусловно, есть связь между опоязовцами и символистами. Она заключается в том, что «опыт Серебряного века обнаружил внутреннюю, природную связь критического сознания с творческим»²³. Опоязовцев и Андрея Белого, несмотря на все различия, связывает то, что они – делатели «веселой науки», о которой говорил Ницше. И тот факт, что они наблюдают литературу не со стороны, внеисторически, а изнутри, ориентируясь на свое в ней сердцебиение, придает им уверенность в том, что должно в данный момент.

Наконец, в поздних работах Эйхенбаума намечается выход опоязовской науки к метафизическим вопросам. Знаковыми являются такие утверждения Эйхенбаума, как: «История передала эти вопросы (как это всегда бывает) [курсив наш. – В.Л.] эпигонам»²⁴; «Это было не только полемикой, но и необходимостью, более того – историческим долгом [курсив наш. – В.Л.]»²⁵; «ей [эпохе. – В.Л.] нужен был [курсив наш. – В.Л.] Некрасов. История должна была создать его таким, каким она его создала»²⁶.

Так из обезличенных формулировок об истории и о требованиях эпохи рождается представление о некоей исторической силе, которая предъявляет к каждой эпохе свои требования и заставляет художников бороться за главенство того или иного конструктивного приема. Но оно не объясняет, почему создается впечатление, что единственная причина всего происходящего в истории – это шопенгауэрова воля к жизни, которая сказывается и на области искусства. Эта тема истории очень ярко проявилась

уже у раннего Эйхенбаума, например, в статье «Миг сознания» (Книжный угол. 1921. № 7), написанной на смерть Блока. В ней говорится: «...все закономерно!!! Ведь Смерть, в каком бы облачении ни явилась она, приходит туда, куда посылает ее История». И это не риторическая фигура, которую продемонстрировал Илья Серман в статье «Эйхенбаум и проблема истории». Он, в частности, приводит такую запись из эйхенбаумовского дневника: «Верил ли Достоевский в историю? Нет – и в этом все дело»²⁷. Оттуда же: «Или ее нет и ничего нет / земля, случайно образовавшаяся, случайно и погибнет, / или – только история»²⁸. Серман делает следующий вывод: «“Вера” в историю таким образом оказывается сознанием ее непостижимости и одновременно убеждением в ее всеилии»²⁹.

Следует отметить, что за отход от строгой научности Эйхенбаума критиковали и Шкловский, и Тынянов, но и у них можно найти те тенденции, которые с гораздо большей силой проявились у Эйхенбаума. У Тынянова это прослеживается уже в «Смерти Вазир-Мухтара», «Восковой персоне» и других художественных произведениях, а у Шкловского – в позднейших его работах.

Так приоткрываются иррациональные, связанные с интуицией, как у Тынянова, и чуть ли не гностические, как у Эйхенбаума, предпосылки опоязовской науки – «другой науки», как удачно назвал ее в одноименной книге Ян Левченко. И этот неожиданный, но закономерный поворот к метафизике осуществился именно в «журнальной науке» формалистов, в такой науке, которая не позволяла опоязовцам изолироваться в собственном методе, избегав современности, но придавала их изысканиям аксиологическую страстность, идущую от критики.

Таким образом, оттолкнувшись от субъективизма и метафизичности символистской критики, русские формалисты путем

сложного антитезиса вышли к проблеме личности и истории. Начав с чистой эстетики, они подошли к вопросу о метафизике, который поставил Андрей Белый. И эта связь между ними, быть может, самая важная на сегодняшний день.

* * *

- ¹ Эти проблемы сосредоточены были вокруг главного вопроса: развивается ли литература в силу внутренних своих закономерностей или под влиянием социальных процессов? Первой точки зрения держались формалисты, а вторую отстаивали сторонники социологической поэтики и прежде всего марксисты, тогда еще столь по-разному понимавшие задачи марксистского литературоведения.
- ² «Общество по изучению поэтического языка» (ОПОЯЗ), активнейшими и наиболее известными участниками которого были Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум. ОПОЯЗ представлял собой «левое», питерское, крыло формализма (было еще «правое», московское, связанное с Московским лингвистическим кружком и Государственной академией художественных наук). Когда речь в этой статье ведется о формалистах, то подразумеваются эти три наиболее известных опоязовца.
- ³ Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001. С. 493.
- ⁴ См.: Там же. Раздел «Литературно-критические позиции русского формализма в системе литературных жанров 20-х годов».
- ⁵ Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987. С. 378-379.
- ⁶ Там же. С. 497.
- ⁷ Там же. С. 428.
- ⁸ См.: Там же. С. 296.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Белый А. Символизм. Репринтное воспроизведение издания 1910 г. Мюнхен, 1969. С. I.
- ¹¹ Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. М., 2012. С. 462.
- ¹² См., напр.: Белый А. Символизм. Репринтное воспроизведение издания 1910 г. С. 260.
- ¹³ Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С. 106.
- ¹⁴ Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929. С. 42.
- ¹⁵ Белый А. Символизм. Репринтное воспроизведение издания 1910 г. С. 238.
- ¹⁶ Там же. С. 236.
- ¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). С. 170.
- ¹⁹ Белый А. Символизм. Репринтное воспроизведение издания 1910 г. С. 234.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173.
- ²² Там же.
- ²³ Новиков В.И. Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/1116>
- ²⁴ Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987. С. 429.
- ²⁵ Там же. С. 431.
- ²⁶ Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001. С. 102.
- ²⁷ Серман И.З. Б.М. Эйхенбаум и проблема истории // *Revue des études slaves*. Т. 57. Вып. 1. 1985. С. 80.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 82.